

Восстановление 3S-уровня альфы шло с поразительной скоростью, особенно после того, как Фу Гэ шлёпнул ему на лоб печать с красным медвежонком.

Ци Хань, который до этого напоминал высушенную и гнилую водоросль, выброшенную на берег, будто снова оказался в море. В мгновение ока из полумёртвого трупа он превратился в переполненного жизнью альфу.

Рана на спине больше не болела, воспаление альфа-железы тоже постепенно сошло, даже худое до болезненности тело начало медленно возвращаться в норму. Ци Хань светился от радости, как человек, который побывал в аду и каким-то чудом вернулся обратно.

Если выразиться словами Чэнь Сина, то сейчас Ци Хань был типичным «надутым у@бком, который словил звезду». Настолько, что если какая-нибудь шавка на улице твякнула бы в его сторону, он бы непременно подошёл и отвесил ей пару оплеух.

Короче говоря, забота и доброта Фу Гэ оказались для него лучшим лекарством.

Не прошло и недели, как Ци Хань уже нормально ходил.

Альфа-железа очистилась от гноя, снова стала бледно-розовой, лишь самый крайний слой кожи ещё оставался чуть белёсым и нуждался в ежедневных обработках и дезинфекции.

— Глава Ци, опустите голову, пожалуйста.

Врач и две медсестры как раз наносили на рану лекарство. Ци Хань сидел на краю кровати, уткнувшись в телефон и разбирая рабочие дела. Суровый профиль с высоко посаженным носом и сдержанное «мм» в ответ на просьбу врача.

Но стоило ему приподнять голову, как в дверном проёме мелькнула знакомая фигура, и выражение мгновенно поменялось на триста шестьдесят градусов. Глаза распахнулись так, будто он увидел чудо.

— Ге? Ты чего так рано? — голос дрогнул от волнения.

Фу Гэ, немного смущённый, неуклюже провёл рукой по волосам:

— Я только что капельницу закончил, врач сказал пройтись немного.

— Тогда заходи! Чего ты стоишь там, на пороге? — Ци Хань едва не подпрыгнул от счастья. Он тут же сорвался на ноги и, не обращая внимания на недовольные возгласы медсестёр, бросился к двери.

Одна из медсестёр, не успев убрать ватный тампон, дёрнула рукой, и палочка глубоко ткнулась в рану.

Ци Хань дёрнул головой, поморщился и резко втянул воздух сквозь зубы, но, не обращая на боль внимания, решительно зашагал к Фу Гэ. Добравшись до него, он склонился чуть вперёд, улыбка была такой широкой, что казалось, ещё немного — и лицо треснет:

— Раз уж ты пришёл, посиди со мной немного, хорошо?

Фу Гэ растерянно заморгал, не зная, что ответить. В итоге так и не нашёл слов, молча кивнул и вошёл.

Ци Хань, едва сдерживая ликование, опустился в кресло напротив. Сел небрежно, раскинув ноги, голову запрокинул на спинку, и во взгляде, устремлённом на Фу Гэ, не было ни капли стеснения.

Лоб его наполовину прикрывали растрепавшиеся волосы, но сквозь них всё равно проглядывал тот самый отпечаток медвежонка, пусть уже и поблёкший.

Фу Гэ замер, моргнул несколько раз, и на миг ему показалось, что он снова вернулся в те далёкие пять лет назад.

Тогда, на переменах, большой мальчишка с переднего ряда оборачивался, капризно дёргал его за рукав и шептал:

— Ге, после кино сегодня вечером... можно я поцелую тебя? С языком, ну хоть чуть-чуть, а?

Если Фу Гэ смущённо отмалчивался, тот не унимался и продолжал ныть. А если отказывал строго, Ци Хань тут же надувал щёки и, глядя снизу вверх, обиженно шептал:

— Ладно, ну тогда без языка... да?

Никто не способен устоять перед огромной, почти двухметровой псиной, которая так искренне виляет хвостом, и Фу Гэ уже не помнил, дал ли тогда согласие или нет.

Он только помнил, как в ту ночь Ци Хань заявил, что у него смертельная болезнь «если не поцелую — сдохну», и как потом вцепился в его губы так жадно, будто это был последний шанс спастись. В итоге губы и подбородок бедного беты распухли так, что он выглядел как побитая пчела.

В свои восемнадцать Фу Гэ ещё не прокачал навык «как отказывать Ци Ханю».

— О чём задумался? — Ци Хань заговорил чуть громче и, наклонившись ближе, настойчиво повторил: — Может, лекарство слишком воняет?

Мазь, которой врач обрабатывал раны, действительно имела резкий запах, и он беспокоился, что Фу Гэ станет плохо.

Маленький бета покачал головой:

— Всё нормально.

Ци Хань успокоился, но взгляд его вдруг скользнул вниз, и он внезапно приказал:

— Руки вперёд.

— А? — Фу Гэ, растерянный, покорно поднял руки вверх, словно сдаваясь на месте.

Ци Хань тихо фыркнул, губы тронула мягкая улыбка. Он аккуратно стряхнул с его рукава налипшие травинки, голос звучал хрипло и удивительно ласково — совершенно не похож на обычный холодный тон:

— Где это ты успел так выпачкаться, а? Вся одежда в траве.

— В траве... — Фу Гэ растерянно пробормотал и, проследив за его взглядом, обнаружил не только травинки, но и пятна краски на пальцах. Его нос нервно дёрнулся, и он, смущённо хлюпнув, пробормотал: — Ну... я просто пошёл порисовать... в саду.

Ци Хань хмыкнул, звук получился приглушенным и тёплым, будто он тихо смеялся:

— Всё такой же, как в детстве. Как только за кисть берёшься — обо всём на свете забываешь. Весь перемазался, ну-ка, повернись, дай гляну сзади.

В его голосе слышалась такая естественная забота, что казалось, он отчитывает не провинившегося взрослого, а нашкодившего ребёнка.

Две медсестры за его спиной тихонько прыснули в кулачки, исподтишка бросая на них взгляды. Даже врач стоял с видом человека, который всё понимает, но молчит из вежливости.

Фу Гэ совсем растерялся, щеки слегка порозовели. Он смущённо опустил голову и пробормотал:

— Сзади ничего нет...

Ци Хань только усмехнулся, глаза блестели:

— Ну-ка, живо, поворачивайся.

Пришлось покорно сделать полный оборот на месте. Ци Хань, как самый настоящий заботливый папочка, методично стряхнул с него все травинки, аккуратно вытер пятна краски с пальцев, и даже не поленился достать спрей от комаров.

Но на этом он не остановился. В довершение картины Ци Хань сорвал со стола упаковку с защитными стикерами от комаров, аккуратно отклеил один и бережно прилепил Фу Гэ на тыльную сторону ладони.

— Глава Ци, простите, что порчу вам момент, но, как ваш лечащий врач, обязан напомнить: вам обоим сейчас противопоказаны слишком активные физические нагрузки. Времени и возможностей наверстать упущенное у вас ещё будет предостаточно.

Фраза врача ударила так точно в цель, что Фу Гэ покраснел до корней волос. Он резко встал, нервно ковыряя стикер на руке:

— Я... я, пожалуй, пойду... Уже поздно, мне в палату надо...

— Эй! Да подожди! — Ци Хань в панике поймал его за запястье, выдохнул и, обернувшись к врачу, с досадой хмыкнул: — Ну вот зачем вы..?

Но стоило ему повернуться обратно, как взгляд упёрся в лицо Фу Гэ. Маленький бета застыл, опустив голову и уставившись на его пальцы, крепко обхватившие запястье.

Ци Хань замер. Поняв, что схватил его слишком резко, тут же отпустил руку:

— Прости, я не хотел...

Но слова застряли в горле, потому что в следующий миг он почувствовал что-то лёгкое и тёплое, будто иголкой кольнули.

Фу Гэ стоял с опущенными ресницами, покраснев до ушей, и робко потупив взгляд. Его губы, влажные и алые, были плотно сжаты, а пальцы дрожали.

А потом... Мягкий, едва ощутимый толчок — его тонкий пальчик осторожно зацепил за отдёрнутые пальцы Ци Ханя. Совсем немного, будто случайно. Но вместо того, чтобы сразу отдёрнуться, нежно и смущённо провёл по коже, так легко, что это походило на случайное касание.

— Всё нормально, — тихо пробормотал Фу Гэ.

Ци Хань будто молнией ударило. Если держаться за пальцы — это нормально, и за запястье тоже нормально... То, может быть, и остальное можно?

Может, это значит, что Фу Гэ больше не гнушается его прикосновений, что не вздрагивает от омерзения, не морщится при виде его крови...

Он и думать не успел, как пальцы сами по себе скользнули вверх, цепляясь за ладонь Фу Гэ, и крепко обхватили его запястье.

— Ге! — выдохнул он, сердце гулко билось в ушах.

Фу Гэ вздрогнул, растерянно поднял на него глаза, но тут дверь в палату снова приоткрылась. На пороге появилась медсестра с катетером и шприцем в руках.

Время очередного забора феромонов.

— Что-то не так? — не дождавшись продолжения, осторожно спросил Фу Гэ.

Ци Хань быстро моргнул пару раз, пытаясь скрыть панику и взять себя в руки, но голос всё равно предательски дрогнул:

— Н-ничего... Всё нормально. Я... Я хотел сказать, что на маленькой кухне вроде бы жарили картошку. Сейчас должны принести. Иди поешь, ге.

Он обернулся к двери и бросил коротко:

— Эй, кто-нибудь, зайдите.

Охранник тут же вошёл в палату, чуть склонил голову и неуверенно начал:

— Мастер Фу... эм, то есть, молодой господин...

Ци Хань насупился и резко оборвал:

— Зови его маленьким господином.

— Да, маленький господин, пройдёмте со мной.

Фу Гэ всё ещё стоял на месте, не понимая, почему его вдруг так спешно выпроваживают, пока не заметил шприц в руках медсестры.

— Снова забор феромонов? — он невольно взглянул на шею Ци Ханя. — Но твоё тело только начало восстанавливаться, воспаление ведь ещё не прошло.

Ци Хань легкомысленно усмехнулся:

— Да всё нормально, не из хрустала же я. Иди ешь, а то опять тебя поймают, я в этот раз точно не успею тебя вытаскивать.

Фу Гэ смотрел на его лёгкую улыбку, но в горле стоял ком. Он поколебался, пальцы нервно теребили край рукава, и в конце концов тихо спросил:

— Забор феромонов... это больно? Ты ведь боишься уколов.

Ци Хань резко поднял голову, глаза сразу покраснели. Он смотрел на Фу Гэ с таким потрясением, будто не верил своим ушам:

— Ты... ты помнишь, что я боюсь уколов?

Фу Гэ прикрыл глаза, медленно выдохнул:

— Помню.

Страх перед иглами у Ци Ханя был настолько сильным, что даже спустя годы разлуки Фу Гэ всё равно машинально прятал дома все острые предметы.

Он поблагодарил охранника и снова вернулся в палату, неуклюже присев обратно на стул. Потупив взгляд и нервно теребя пальцы, тихо пробормотал:

— Я, наверное, ещё немного побуду. Картошка вкуснее, когда мягкая...

Ци Хань на миг застыл, сердце колотилось так, будто его хорошенько встряхнули. Ещё одно слово, и он точно сорвётся.

— Ты хочешь... остаться со мной? — он шумно втянул воздух, пытаясь взять себя в руки. — Ге... это значит, что ты наконец-то начал хоть немного обо мне волноваться? Ну, хоть капельку... — он неуверенно показал пальцами, будто отмеряя невидимую крупинку, — вот столько?

Фу Гэ смутился, отвёл глаза и замолчал. Но через несколько долгих секунд всё-таки тихо

ответил:

— Я побуду с тобой.

Он не ответил прямо на его вопрос, но для Ци Ханя это было уже больше, чем он мог надеяться.

Это был первый раз, когда Ци Хань сдавал феромоны в присутствии Фу Гэ. И хотя тонкая игла входила под кожу, боль казалась не такой невыносимой.

Когда врач достал ремни, Фу Гэ растерянно замер:

— Его нужно привязывать?

— Нет, — Ци Хань безразлично отвёл ремни в сторону, бросив короткий взгляд на врача. — Это для крепления к креслу, не для меня. Не волнуйся.

Он не хотел, чтобы Фу Гэ видел его в таком жалком виде, и уж тем более не хотел давить на жалость, чтобы выпросить прощение. Это было бы слишком низко.

Но в итоге Ци Хань всё-таки переоценил себя.

Первая игла вошла почти безболезненно. Он обхватил ладонями подлокотники, побелевшие пальцы слабо подрагивали, но он не издал ни звука.

А вот вторая пошла криво. Кончик проколол под кожу и задел трубку, что была встроена в альфа-железу. Пластик сдвинулся, ворочаясь в мясе, и Ци Хань не сдержал сдавленный стон. Лицо побледнело, он резко дёрнулся, сбил стул и рухнул на колени.

— Чёрт...!

Альфа стоял на коленях, дрожа, словно сломанный, глаза налились кровью. Игла вылетела из содранной кожи, по позвоночнику заструилась кровь, смешиваясь с феромонами.

Ци Хань, не контролируя себя, вслепую протянул руку вперёд, но от боли тут же скрючился, пальцы вцепились в пол. Хриплые, почти бессвязные звуки рвались из горла, будто он пытался молить о пощаде.

Фу Гэ застыл, не в силах оторвать взгляд.

За все восемь лет знакомства он впервые видел Ци Ханя таким: потерянным, сломленным,

жалким до боли. Ни намёка на гордость или силу, только бледная, вздрожившая тень, которую врач, не спрашивая, грубо сдёрнул с пола и снова попытался усадить в кресло, обматывая ремнями.

Фу Гэ будто прирос к полу, пальцы похолодели, сердце с болезненной медлительностью прокачивало кровь. В голове пульсировала одна-единственная мысль:

— Как... как так?..

— Почему... Почему даже в таком состоянии ты продолжаешь сдавать... — голос Фу Гэ дрожал, пока он смотрел на раны и кровь, медленно стекающую по позвоночнику. — Тридцать трубок феромонов... С учётом тех, что ты сам вылил, выходит, все тридцать четыре были выкачаны так же?..

Никто ему не ответил. Врачи и медсёстры привычно прижимали альфу к креслу, так отработанно и равнодушно, будто делали это уже сотню раз.

— Стойте! — Фу Гэ резко рванулся вперёд и схватил последний ремень, пальцы дрожали так, что казалось, они вот-вот разожмутся сами. — Хватит... Хватит, не надо больше...

В этот момент даже обезумевший от боли альфа вдруг затих. Он вскинул глаза, уставившись на него так, будто не верил. В этих налитых кровью глазах не осталось ни злости, ни высокомерия — только щемящая, до дрожи обнажённая беспомощность.

— Ге?.. — голос Ци Ханя сорвался.

Маленький бетта только тихо кивнул и, выдохнув, хрипло спросил:

— Ты всё это время вот так сдавал?..

Ци Хань стиснул побелевшие губы, глаза дёрнулись в сторону. Он долго молчал, будто выбирая слова, но в итоге не выдержал, дрожащими пальцами неуверенно потянулся к тонким пальцам Фу Гэ. Да пошло оно к чёрту это «не давить на жалость», плевать он хотел на гордость и всё остальное.

— Если... я просто говорю если... если я скажу «да», — ты... ты обнимешь меня?.. — его голос сорвался на хрип, и он тут же опустил голову, словно боялся увидеть ответ.

Фу Гэ зажмурился, отвернулся на миг, будто пытался найти силы. Но когда снова поднял глаза, губы неуверенно дрогнули, и он вымученно улыбнулся.

Это была первая улыбка, которую Ци Хань увидел за всё это проклятое время.

— А ты попробуй спроси, — почти шёпотом ответил он.

Губы Ци Ханя затряслись, дрожащие ресницы заслонили взгляд, и он смог только выдохнуть, почти не слышно:

— А?..

И в следующий миг он не успел ничего понять. Мягкая ткань свитера, пропитанная знакомым запахом колокольчиков, коснулась щёк, а тёплые руки сомкнулись вокруг него, будто никогда не отпускали.

Фу Гэ осторожно накрыл его глаза ладонью, прижал к себе, его голос был почти неслышен:

— А-Хань... Не бойся.

В этот раз забор феромонов прошёл на удивление спокойно.

Фу Гэ держал его, ладонь мягко прикрывала глаза, и всего за пять минут всё было кончено. Врачи с медсестрами поспешно ретировались, оставляя их одних.

Фу Гэ отпустил его и достал салфетку, чтобы стереть холодный пот со лба. Ци Хань сначала сидел тихо и послушно, но потом вдруг дёрнулся:

— Эй, мой медвежонок!

Печать на его лбу почти стерлась.

— Он ещё там? Ещё на месте? — он, не моргая, уставился на Фу Гэ.

Тот без сил вздохнул, достал из кармана штамп и шлёпнул медвежонок ему на тыльную сторону ладони.

— Вот, держи. Новый.

Ци Хань светился от счастья, как новогодняя гирлянда:

— Серьёзно?! Ты мне его оставляешь?

Фу Гэ убрал штамп в карман и спокойно ответил:

— Это награда.

— Награда?

— Ага. За то, что на уколе не разнылся.

Ци Хань буквально засиял, как новенькая монета. Видеть его таким счастливым от штампика с медведем было почти абсурдно. Но он тут же потерял тормоза и, нагло выпучив глаза, спросил:

— А если я вообще на уколах ныть не буду, ты мне каждый раз будешь ставить медвежонка?

Фу Гэ посмотрел на него, долго и как-то уж слишком спокойно. И кивнул.

Не успел он глазом моргнуть, как Ци Хань уже вытягивал шею в сторону двери и орал:

— Доктор! Мне ещё десять трубок феромонов слить!

— ...

— Да сядь ты уже! — Фу Гэ, покраснев до ушей, раздражённо ткнул его в лоб пальцем и притянул обратно в кресло. — Тебе самому-то не стыдно, главе корпорации, а руки все в медвежатах!

— Да чего мне стыдиться, — Ци Хань прямо-таки сиял от гордости. — Это же моя награда от начальства. Пусть завидуют! Я завтра так вообще побреюсь наголо и буду всем показывать!

И тут же осёкся, будто кто-то щёлкнул по носу. В глазах мелькнула паника:

— Прости... Я не подумал. Лишнее сморозил.

Фу Гэ посмотрел на него с секунду, потом вдруг фыркнул и, не говоря ни слова, чиркнул пальцем по его запястью, смахивая штамп. И уже выходя из палаты, с лёгкой, почти незаметной улыбкой бросил через плечо:

— Болтун.

Ци Хань застыл, тупо таращась ему вслед, и только через полминуты, когда до него дошло, взорвался смехом:

— Эй, а когда новый-то поставишь?!

Фу Гэ не ответил. Он даже не оглянулся, только ускорил шаг и почти бегом добрался до своей палаты.

Дверь закрылась, и в тот же миг его лицо словно стеклянная маска разлетелось на куски.

Маленький бета прислонился к двери спиной, сполз на пол и тупо уставился в стену, на значок с планетой, приколотый посередине. Пальцы дрожали. Он достал салфетку и стал вытирать кончики, вычищая их до мельчайшей пылинки, будто сам штамп прожигал кожу.

<http://bllate.org/book/14453/1278327>